

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Ответственный за рубрику: *Муслимов С.Ш.*
© Исламоведение. 2018. Т. 9, № 3 (37)

ACADEMIC LIFE
Person in charge of the section: *Muslimov S.Sh.*
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2018. Vol. 9,
№ 3 (37)

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-3-111-123

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

Саймон Котти

Введение.
Содержание.
Заключение.

Поступила в редакцию: 11.05.2018.
Передана на рецензию: 13.05.2018.
Получена рецензия: 23.06.2018.
Принята в номер: 30.06.2018.

«Джихадизм как субкультурный ответ на социальное давление: развитие тезиса «банды парней» Марка Сейджмана»¹

(Саймон Котти – преподаватель криминалистики и уголовного права в Бангорском университете. Школа социальных наук, Бангорский университет (Бангор), Гуинет, Великобритания).

Автор чрезвычайно благодарен рецензентам за их подробные и полезные замечания по более ранним проектам данной статьи, за существенную поддержку и консультацию особенно признателен Брюсу Хоффману и Кейт Хайвард.

Цель данной статьи – развитие плодотворных исследований «Аль-Каиды» (признанная в России запрещённой террористическая организация. – прим. ред.) Марком Сейджманом, переосмысленных через призму теории делинквентной субкультуры Альберта Коэна, – метода, который занял видное место в криминалистике в 1960-е годы, но с тех пор в значительной степени был заменен другими подходами в этой области. Опираясь на выводы и замечания Сейджмана, предположили, что аффилированные или инспирированные «Аль-Каидой» группы на Западе лучше всего могут быть поняты как коллективный ответ на то давление, с которым сталкиваются члены этих групп, и что это давление накладывается на те обстоятельства, в которых они [группы] оказываются. Моя более обширная цель состоит в том, чтобы показать, что хоть криминологи, за некоторыми исключениями, игнорируют тему терроризма, исследования по этой проблеме могут существенно выиграть от взаимодействия с криминологией в качестве источника теоретического вдохновения.

Ключевые слова: «Аль-Каида», криминология, джихадистский субкультурный стиль, джихадистское решение, Марк Сейджман, социальное давление, субкультура, исследования по борьбе с терроризмом.

¹ Источник: Simon Cottee. Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's "Bunch of Guys" Thesis // Terrorism and Political Violence, 2011. 23:5, 730-751

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-3-111-123

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

Simon Cottee

Introduction.
Content.
Conclusion.

Received: 11.05.2018.
Submitted for review: 13.05.2018.
Review received 23.06.2018.
Accepted for publication: 30.06.2018.

Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's "Bunch of Guys" Thesis.²

My goal in this article is to develop the fruitful research of "al-Qaeda" (recognized in Russia as a banned terrorist organization – approx.ed.) by Marc Sageman, to reinterpret it through the prism of the theory of delinquent subculture developed by Albert Cohen, a method that took a prominent place in criminology in the 1960s, but has since been replaced to a significant extent by other approaches in this area. Based on Sageman's findings and observations, I assume that groups in the West affiliated or inspired by "al-Qaeda" can best be understood as a collective response or "solution" to the pressures faced by members of these groups, and that this pressure is placed on the communities in which these groups exist. My broader goal is to show that, although criminologists, with some exceptions, ignore the topic of terrorism, research on this issue can benefit significantly from criminology as a source of theoretical inspiration.

Keywords: *"al-Qaeda", criminology, jihadist subcultural style, jihadist solution, Marc Sageman, social pressure, subculture, research on terrorism.*

Введение

1 мая 2011 года Усама бен Ладен был убит в результате наземной операции, проведенной вооруженными силами Соединенных Штатов в Пакистане [1]. Через несколько часов по телевидению прозвучало заявление президента Обамы о смерти бен Ладена. Были задействованы ведущие журналисты, ученые, общественные деятели и публицисты, которые высказывали свои мнения по поводу убийства и того, какие серьезные последствия имеет оно для «Аль-Каиды» и Соединенных Штатов [2–8]. Центральной темой в этих дискуссиях ступало наследие бен Ладена. Оно как было, так и остается крайне противоречивым. Одним из аспектов этого наследия, стало появление литературы по глобальному джихадизму, а с ним и профессиональных исследователей джихадистов (или «джихадологов», как некоторые из них называют себя)³.

---

² Simon Cottee. Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain: Extending Marc Sageman's "Bunch of Guys" Thesis // Terrorism and Political Violence, 2011. 23:5, 730-751

³ Для понимания деятельности и интересов джихадологии смотрите отличный сайт «Jihadica»: <http://www.jihadica.com/> (дата обращения 16 июля 2011). В отличие от многих других вебсайтов, которые направлены на документирование джихадистского активизма, «Jihadica» поддерживает высокие стандарты научной значимости и строгости и не привязан к какой-либо политической платформе или повестке дня.

Неудивительно, что было много разных по качеству материалов, написанных об «Аль-Каиде» и более широком движении джихадистов, в котором рассматриваемая организация стремится к лидерству. Лучшим был материал Лоуренса Райта в «Мираже башен» (*Looming Tower*), где он очень тщательно исследует подробную «Дорогу «АльКаиды» к 9/11», [которым обозначен] подзаголовок его книги⁴ [9]. Обширные труды Питера Бергена о бен Ладене и «Аль-Каиде» также должны быть включены в эту категорию [10]. Такими же, несомненно, должны быть работы Марка Сейджмана, клинического психиатра и бывшего офицера ЦРУ, чьи идеи легли в основу этой статьи⁵. Несмотря на недостаток у Сейджмана литературного дара Райта и Бергена, а также недавние разногласия, спровоцированные его работой⁶ [10, с. 201–206], труды об «АльКаиде» этого автора обладают эмпирической строгостью и глубиной, которым мало кто из наших современников (даже самых лучших) в состоянии соответствовать.

В среде профессиональных исследователей-джихадологов и аналитиков терроризма феномен «Аль-Каиды» вызывает целый ряд актуальных вопросов. В частности, доминируют следующие четыре: *a)* структура, размер и цели организации; *b)* масштаб угрозы, исходящей от нее; *c)* насколько успешна борьба с ней; *d)* почему и как люди присоединяются к организации связывают себя с ней или соблюдают верность ей. Наша цель в дальнейшем пролить свет на последний вопрос в частности на привлечение «Аль-Каидой» вдохновленных групп мусульманской молодежи в западных секуляризированных обществах. Не будем комментировать непосредственно [вопросы] *a)*, *b)* или *c)*, хотя аргументы, представленные здесь, вполне могут иметь к ним отношение.

Используя в качестве отправной точки работу Сейджмана, выдвинем следующий основной тезис. Суть его в том, что дочерние или инспирированные «Аль-Каидой» группы на Западе представляют собой коллективное субкультурное решение социальной напряженности, испытываемой людьми, которые формируют эти группы

---

⁴ Дэниэл Байман с похвалой отзывается о книге Райта в составленном им (Байманом) шортлисте основных текстов об Усаме бен Ладене и «Аль-Каиде», который был опубликован в журнале «Foreign Affairs» через неделю после убийства бен Ладена (см.: *Byman Daniel. What to Read on Bin Laden and Al Qaeda // Foreign Affairs.* – 4 May 2011. – <http://www.foreignaffairs.com/features/readinglists/what-toread-on-bin-laden-and-al-qaeda> (дата обращения 16 июля 2011))

⁵ Это далеко не исчерпывающий перечень. Джейсон Бурк (Jason Burke), Брюс Хоффман (Bruce Hoffman), Бриньяр Ли (Brynjar Li), Брайан Дженкинс (Brian Jenkins), Дэниел Байман (Daniel Byman), Квинтан Викторовиц (Quintan Wiktorowicz), Скотт Атран (Scott Atran), Ассаф Могадам (Assaf Moghadam) и Томас Хегхаммер (Thomas Hegghammer) являются авторами работ, в которых «Аль-Каида» и джихадизм в целом описаны с глубоким пониманием и знанием этого феномена. Любопытно, что работа Сейджмана не была включена в ставший уже каноничным шортлист Баймана.

⁶ See also, specifically: *Does Osama Still Call the Shots?; Debating the Containment of al Qaeda's Leadership // Foreign Affairs.* – July–August 2008. – <http://www.foreignaffairs.com/articles/64460/marc-sageman-and-bruce-hoffman/does-osama-still-call-the-shots> (дата обращения 30 марта 2011). Этот обмен мнениями был спровоцирован обзором Хоффмана о книге Сейджмана, 2008 «Джихад без лидеров» (см.: *Hoffman Bruce The Myth of Grass-Roots Terrorism: Why Osama bin Laden Still Matters // Foreign Af-fairs.* – May–June 2008. – <http://www.foreignaffairs.com/articles/63408/bruce-hoffman/the-myth-of-grass-roots-terrorism> (дата обращения 30 марта 2011). *Osama bin Laden's killing has reignited this debate: see Hoffman Bruce. The Leaderless Jihad's Leader: Why Osama Bin Laden Mattered // Foreign Affairs.* – 13 May 2011. – <http://www.foreignaffairs.com/articles/67851/bruce-hoffman/the-leaderless-jihads-leader> (дата обращения 19 мая 2011). Что касается изложенного, Сейджману еще предстоит ответить на самый последний вызов Хоффмана. Для получения полезной информации о текущих дебатах и последствиях смерти бен Ладена см.: *Habeck Mary. Ben Laden's death and the al Qaeda debates, part one, two and three // Foreign Policy.* – 16 May 2011. – <http://shadow.foreignpolicy.com/blog/69526> (дата обращения 19 мая 2011).

либо присоединяются к ним. Мы докажем в статье, что напряжения, о которых идет речь, в первую очередь уходят корнями во фрустрацию по поводу статуса и идентичности.

В книге «Understanding Terror Networks» («Понимание террористических сетей») – первой из двух его основных работ по «Аль-Каиде» – Сейджман предлагает [начать] отчет о происхождении, об эволюции и о природе того, что он называет «глобальным салафитским джихадом», передовым отрядом которого, по его утверждению, является «Аль-Каида» [11, с. 65]. Используя материалы, находящиеся в свободном доступе (состоящие в основном не только из судебных стенограмм, но и из правительственных документов, публикаций прессы, научных статей и интернет-источников) [9], Сейджман получил данные о 172 членах «Аль-Каиды». Большинство из них – около двух третей – приехали из шести стран: Саудовской Аравии (31), Египта (24), Франции (18), Алжира (15), Марокко (14) и Индонезии (12). Вместе они сформировали четыре больших кластера: 1) кластер центрального аппарата, базирующегося в Афганистане и состоящего в основном из египтян; 2) основной арабский кластер (Саудовская Аравия, Египет, Йемен, Кувейт); 3) магрибский кластер (Марокко, Алжир, Тунис); и 4) кластер Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия)⁷ [11, с. 70–72].

Основные выводы Сейджмана об участниках этих четырех кластеров:

- 75 % являются выходцами из семей высшего или среднего класса;
- более 60 % имели образование, полученное в колледжах;
- 137 человек, т. е. только 17 % имели начальное и среднее исламское религиозное образование (остальные посещали светские образовательные учреждения, предпочитая технические направления и такие науки, как инженерия или информатика);
- около половины воспитывались в религиозной среде, но только 13 % (почти все они из Юго-Восточно-Азиатского кластера) получали образование в медресе;
- средний возраст, в котором они присоединились к джихаду, был 26 лет;
- 75 % имели профессиональное или полупрофессиональное образование;
- 75 % были женаты, и большинство имели детей;
- только у 1 % выявилось наличие психического расстройства, и эта цифра ниже основного среднего показателя во всем мире;
- 70 % присоединились к джихаду, когда они жили в другой стране, за пределами которой они выросли;
- около 66 % тех, кто присоединился к джихаду, сделали это вместе со своими друзьями или уже имели давнего друга детства, находящегося на джихаде;
- еще 20 % имели близких родственников, которые уже были на джихаде.

Согласно Сейджману, члены «Аль-Каиды» или приверженцы идеологии этой организации не подходят под единый профиль: у них много различий. Однако, как добавляет Сейджман, имелись и примеры общего опыта, [присущего этим людям]. Наиболее важным является то, что 78 % [джихадистов] были оторваны от своих культурных и социальных корней ко времени присоединения к джихаду [11, с. 92]. Глобальный салафитский джихад, таким образом, в первую очередь – это движение изгнанников (exiles), которые находились в состоянии перемещения – разделения, одиночества и культурной дезориентации. По мнению Сейджмана, трудно переоценить

⁷ Представленные выводы следуют из главы 3 «Понимание террористических сетей» по статье Сейджмана, “Understanding Jihadi Networks // Strategic Insights 4. – 2005. – № 4. – http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/nps/sageman_apr05.pdf (дата обращения 26 марта 2011 года).

влияние этого фактора в процессе их радикализации. Отчужденные и одинокие в принимающей стране, будущие джихадисты искали общение и солидарность с другими, себе подобными, зачастую в условиях местной мечети. Там они встретили друзей или родственников. Когда их дружба усилилась, «они стали “кучкой парней”, обиженных на общество в целом, которое исключило их, развивая тем самым общую религиозную коллективную идентичность и подталкивая к большему экстремизму» [12]. Эта «кучка парней» зараженная джихадистскими идеями, отправилась на поиски «Аль-Каиды», а не наоборот. «АльКаида», а Сейджман стремится подчеркнуть [это], не формировала официально программу набора [12]. Вместо этого она опиралась на добровольцев, которые затем подвергались тщательному отбору руководством «Аль-Каиды» для их дальнейшего использования [11, с. 110, 121–124].

По утверждению Сейджмана, это решительно ставит под сомнение общераспространенное мнение о терроризме [11, с. 96–98]. Следующие аспекты: Мишенью для критики становятся а) идея, что терроризм обусловлен бедностью; б) вера в то, что террористы в некотором роде являются патологическими больными или слабоумными; в) утверждение, что террористы являются жертвами устойчивой идеологической обработки. Они, по мнению Сейджмана, не являются основой для создавания глобального салафитского джихада: движение не рождается из экономического отчаяния, патологии или религиозной индоктринации, а скорее, как продолжает объяснять Сейджман, возникает из групповых связей, социальных сетей и физической динамики малых групп.

В книге «Leaderless Jihad» («Джихад без лидеров»), опубликованной в 2008 году, Сейджман дополняет и расширяет свою эмпирическую картину, опираясь на данные, относящиеся к 500 членам глобального салафитского джихада. На этой эмпирической базе он выстраивает сюжет эволюции глобального салафитского джихада, начиная с 2001 г. Согласно анализу Сейджмана, есть три отдельные «фазы» или «волны»: первая волна присоединилась к «Аль-Каиде» и состояла из афганских арабов, пришедших в Пакистан и Афганистан для борьбы с Советами в 1980-х годах. Они были, вопреки распространенному мнению, в основном хорошо образованными и происходили из устойчивого среднего класса, а также были достаточно зрелыми, часто достигали 30 лет к моменту взятия оружия. Их оставшаяся часть до сих пор составляет основу руководства нынешней «Аль-Каиды», но есть определенная группа, включающая несколько десятков человек, которые ушли и скрываются в приграничных территориях северозападного Пакистана.

Вторая волна в основном была представлена выходцами из элитных семей с Ближнего Востока, которые поехали на Запад, чтобы учиться в университетах. Разлука с семьей, друзьями и культурой способствовала маргинализации и вызвало у многих чувство тоски. Эти чувства заложили семена их последующей радикализации. Это поколение побывало в тренировочных лагерях «Аль-Каиды» в Афганистане в 1990-х годах и было включено в руководство «Аль-Каиды». На сегодняшний день около 100 из них ушли и скрываются на северо-западе Пакистана.

Новая, третья, волна отличается от предыдущих. Она состоит в основном из потенциальных террористов, которые возмущены вторжением в Ирак, стремятся присоединиться к движению мужчин, рвущихся стать героями. Но для них практически невозможно соединиться с руководством «Аль-Каиды», которое было вынуждено уйти в подполье после 11 сентября [2001 года]. Вместо этого они образуют нестабильные неформальные сети, которые находятся на самофинансировании и самообучении. Они

не имеют никаких физических штаб-квартир или убежищ; толерантная виртуальная интернет-среда предлагает им видимость единства и целеустремленности. Они принадлежат к разрозненной, децентрализованной социальной структуре без лидера джихада [12, 13].

Работа «Understanding Terror Networks» в основном сосредоточена на второй волне, в то время как в книге «Leaderless Jihad» в первую очередь раскрываются структура и организация третьей волны. Основное различие между этими двумя волнами, отмечает Сейджман, в том, что последняя включает в себя джихадистов, чья связь с «Аль-Каидой» является воображаемой, а не реальной. Идеологически они вдохновлены «Аль-Каидой»; они идентифицируют себя с джихадистскими воинами и откликаются на призыв «Аль-Каиды» к джихаду. Они действуют от ее имени или присваивают себе ее «бренд», но вместе с тем они не являются полноправными членами организации [12, 13].

Есть и другие заметные различия. В то время как вторая волна Аль-Каиды представляла собой настоящих граждан мира, активно путешествующих из страны в страну [11, с. 76], третью волну «джихадистов-подражателей» [wannabe jihadis], как называет их Сейджман, составляли менее мобильные люди, проводящие большую часть своего времени в Интернете, который служит своего рода «виртуальным тренировочным лагерем» [13, с. 109–123]. В основном они происходили из низшего класса, в то время как вторая волна джихадистов, как правило, состояла из выходцев среднего класса [13, с. 50]. Представители третьей волны моложе – им немного за двадцать – и менее образованные, чем члены «Аль-Каиды» второй волны [13, с. 58]. Важно то, что они, родившись и пройдя аккультурацию на Западе [13, с. 51], подверглись значительно большей вестернизации и менее религиозны, чем их предшественники [13, с. 50]. Представители третьей волны являются «доморощенными» террористами. При этом многие из них были «новообращенными» мусульманами [открывали для себя свою религию вновь в более зрелом возрасте], и лишь небольшая часть – неопитами [13, с. 71, 133–136].

Сейджман характеризует третью волну, главным образом, отнюдь не как эксклюзивный европейский феномен [13, с. 89–108]. В качестве обоснования он представляет следующие статистические наблюдения: «Начиная с 11 сентября [2001 года], было зарегистрировано более 2300 арестов, связанных с исламистским терроризмом в Европе, в отличие от примерно 60-ти [арестов] в Соединенных Штатах... интенсивность арестов по обвинению в терроризме на душу населения среди мусульман в Европе в шесть раз выше, чем в Соединенных Штатах» [12; 13]. Очевидно, Европа гораздо больше, чем Соединенные Штаты, находится или находилась под действием джихадистской третьей волны, несмотря на нынешний пик [роста] доморощенных джихадистов, активизировавшихся в США⁸. Это свидетельствует о том, что европеизированные мусульмане значительно более уязвимы к призыву джихада, чем американизированные.

---

⁸ Согласно Питеру Бергену и Брюсу Хоффману, 2009 год был «временем водораздела в совершении и составлении плана террористических атак в Соединенных Штатах». Как минимум 43 американских гражданина или резидента, связанные с суннитскими военизированными группами или пропагандирующие их идеологию, были задержаны или осуждены за совершение террористических актов на территории США или где-либо еще. Именно в этот год было зафиксировано наибольшее количество подобных случаев после событий 11 сентября 2001 года (*Bergen Peter and Hoffman Bruce. Assessing the Terrorist Threat. A Report of The Bipartisan Policy Center's National Security Preparedness Group, 10 September 2010. – <http://www.bipartisanpolicy.org/library/report/assessing-terrorist-threat> (дата обращения 1 апреля 2011 года)*).

Мнение Сейджмана о третьей волне находит отражение в работе Эдвина Баккера, чей методологический подход, интуиция и акценты следуют за Сейджманом. Исследование Баккера [15], которое сам Сейджман одобрительно цитирует в своей книге «Leaderless Jihad» [13], предлагает подробный детализированный эмпирический отчет о джихадистском терроризме в европейском контексте. Таким образом, это существенный ориентир для размышлений о третьей волне, как отмечает сам Сейджман.

Эмпирические данные Баккера основываются на 31 случае джихадистского терроризма в Европе в период с сентября 2001 г. по октябрь 2006 г. [15, с. 73–74]. К ним относятся как совершенные, так и несовершенные теракты и сорванные планы. На основании этих инцидентов Баккер идентифицирует 242 джихадистов [15, с. 75]. Сосредоточившись на их «социальном происхождении», «психологическом облике» и «обстоятельствах присоединения к джихаду» [15, с. 75], Баккер сообщает следующее:

- Большинство из них имели неевропейское происхождение и представляли первое, второе или третье поколения иммигрантов.

- Регион происхождения – чаще всего Северная Африка (Марокко, Алжир и Тунис).

- Значительное большинство – более трети – родились и выросли в Европе.

- Подавляющее большинство джихадисты, представленные в выборке, были жителями одной из европейских стран (211 из 219).

- Очень немногие из джихадистов проживали в других частях мира до вовлечения их в террористическую активность в Европе (в общей сложности только 8).

- Из 227 лиц, на которых можно было найти информацию по данным о гражданстве, 59 были марокканцами, 55 – алжирцами, 46 – британцами. В меньшей степени представлены граждане Пакистана (15 человек), Франции (15 человек), Нидерландов (10 человек), Бельгия и Испания (по 8 человек).

- Из 72 лиц, на которых имелись социально-экономические данные и более половины – 39 были из низших классов. Только 3 лица можно рассматривать как представителей высшего класса. Остальные 30 [лиц] могут быть классифицированы как [представители] среднего класса.

- Из 48 человек, 42 имели среднее образование.

- Из 50 человек, в отношении которых могли быть собраны данные о религиозной принадлежности, 14 были неофитами. Остальные 11 были воспитаны в религиозных семьях, и 25 не были особенно религиозны в детстве. Последние были «новообращенными», [т. е.] вновь открыли для себя веру в более позднем возрасте.

- Из 103 лиц 34 были неквалифицированные рабочие, 19 занимали низко квалифицированные рабочие места, а 12 определенную квалификацию. Около 15 % были безработными на момент их ареста.

- По крайней мере, 58 имели судимости в то время, когда они были вовлечены в джихадистскую террористическую деятельность.

- У 5 % [лиц] выявлены признаки психического заболевания.

- Из 242 лиц, на которых можно было найти данные о возрасте, средний возраст участников джихада составлял 27,3 [года].

- Подавляющее большинство членов выборки были [представителями] мужского пола (237).

- Из 242 человек 50 имели родственные связи [между собой].

Интерпретируя эти данные, Баккер делает вывод, что, хотя и нет стандартных [совокупных] параметров для европеизированного джихадиста [15, с. 78], но многие, тем не менее, имеют ряд ключевых черт: «Подавляющее большинство из них имеют корни из арабских стран, особенно Северной Африки и Пакистана. Многие из них – представители первого, второго или третьего поколения иммигрантов, которых также объединяет то, что они происходят из низших слоев общества. Поразительно большое число лиц имели судимости: по крайней мере, четвертая часть членов выборки. Наконец, следует отметить, что почти все джихадисты в Европе – мужчины, и что многие из них связаны друг с другом родственными или дружественными отношениями» [15, с. 79].

Таким образом, исследования Сейджмана и Баккера поднимают чрезвычайно важный вопрос: почему третья волна джихадистов состоит из поразительно большого количества представителей низшего класса европеизированных мужчин второго и третьего поколения «новообращенных» мусульман? В чем особенность этой конкретной группы, которая восприимчива к призывам и воззваниям глобального салафитского джихада? Или почему джихадистская третья волна делает ее столь привлекательной для этой группы? Хотя основное внимание в книгах «Understanding Terrorist Networks» и «Leaderless Jihad» Сейджман уделил структуре джихадистских сетей и значимости дружбы и родственных связей внутри них, он также отмечает ряд острых моментов, которые имеют прямое отношение к этому вопросу.

Сейджман акцентирует внимание на том, что джихадистские группы внушают своим членам идеи, с помощью которых они могут придавать смысл своей жизни и вернуть чувство собственного достоинства. Это идеи с сильным упором на «справедливость и законность первоначального мусульманского сообщества», которые апеллируют к способным молодым людям, лишенным благ общества [16], и предлагают им альтернативный набор ценностей, отличающихся от «доминирующих “западных” ценностей карьерного роста и материального богатства, которые способствовали их первоначальному чувству отчуждения, разочарования, несправедливости и незаконности» [16]. Прогрессирующий отрыв от следования материальным потребностям, как предполагает Сейджман, «позволяет им преодолеть свои реально фрустрированные устремления, а также способствует удовлетворению духовных целей в большем соответствии с их ограниченными ресурсами и возможностями, ослабляя тем самым возникающий дискомфорт, появляющийся из их исключения (exclusion) и маргинального статуса [16]. Кроме того, как утверждает Сейджман, участие в джихадистском авангарде не только обеспечивает его сторонников чувством морального превосходства, но и способствует становлению коллективной идентичности.

Делая эти комментарии, Сейджман целенаправленно ссылается на вторую волну «Аль-Каиды», но то, что он говорит, может быть применено с равной, если не с большей степенью к тем, кто представляет третью волну. В действительности, как мы предполагаем, вышеуказанные рефлексии могут быть истолкованы как сущностные основы психосоциальной теории «первопричины» третьей волны джихадизма, которые Сейджман достаточно подробно, но не в полной мере излагает в работе. Наша задача заключается в том, чтобы показать в дальнейшем, как эта теория может выглядеть. Выдвигаемая теория выводится из ключевой концепции и тематических проблем классической работы Альберта Коэна, посвященной делинквентным субкультурам. Переосмысливая несколько беглые и поверхностные размышления Сейджмана о причинах глобального джихадизма сквозь призму теории Коэна, мы попытаемся развить наработки Сейджмана и направить их в более плодотворное русло.

Делинквентность несовершеннолетних и социальное давление

Опираясь на концепцию социальной напряженности Роберта Мертона, согласно которой социальная структура «оказывает определенное давление на отдельных лиц в обществе, что вовлекает их в нонконформистское, а не конформистское поведение» [16], субкультурные теории преступности исследуют различные способы, через которые правонарушители реагируют на структурные ограничения или блокировку на уровне культуры⁹. Работа Коэна «Делинквентные мальчики: культура банды», опубликованная в 1955 году, полна точных наблюдений и богата идеями, все [они] достаточно ясные и емкие.

Объектом исследования в работе Коэна является банда американских малолетних преступников. Его ключевой целью является понимание происхождения и культуры [банды]. Культура, как ее понимает Коэн, относится к «верованиям, ценностям, кодексам, вкусам и предрассудкам, которые являются традиционными в социальных группах и которые приобретаются путем участия в таких группах», тогда как «субкультура» есть «культура в культуре», состоящая из «способов мышления и действий, которые в некоторой степени являются особенными сами по себе» [18, с. 12]. Делинквентная субкультура, утверждает Коэн, это «образ жизни, который каким-то образом стал традиционным среди некоторых групп в американском обществе» и разрастается «наиболее заметно в «криминальных окрестностях» наших крупных американских городов» [18, с. 13]. Коэн хочет понять, почему именно субкультура существует и имеет «особое содержание, которое делает его таким», и почему это «распространяется как внутренняя часть нашей социальной системы» [17, с. 18].

Исследуя юношескую делинквентность, Коэн особенно поражен тем, что он называет «неутилитарным, злобным и негативистским» характером делинквентной активности [18, с. 25]. «Мы обычно предполагаем, – пишет он, – что когда люди крадут вещи, они воруют, потому что они хотят получить их. Они «могут съесть их, носить или использовать другим образом; или потому, что они могут их продать» [18]. Мы считаем, что «воровство является средством для достижения цели, а именно обладание каким-либо ценным объектом, и что в этом смысле [это] рационально и утилитарно» [18]. Тем не менее, «этот факт не может не удивлять – и этот факт имеет решающее значение при определении нашей проблемы – что большая [часть] краж банды не имеет такой мотивации вообще» [18, с. 25–26]. В действительности «даже если значение украденного объекта само по себе является мотивирующим фактором, похищенные сладости часто слаще, чем те, которые приобретены более легитимным и прозаичным способом» [18, с. 26]. Другими словами, члены банды воруют «просто ради удовольствия», эта деятельность ценится сама по себе, для своих собственных специфических удовольствий и удовлетворений: «Группа мальчиков входит в магазин, где каждый берет шляпу, шарик или лампочку. Затем они переходят в другой магазин, где эти вещи незаметно меняют на другие подобные вещи. Затем они переходят в другие магазины, чтобы продолжить игру [еще] на некоторое время. Они крадут корзины персиков, жуют некоторые из них, а другие оставляют портиться. Они крадут одежду, которую они не могут носить, и игрушки, которыми не будут играть» [18].

Коэн также обнаруживает злобу в делинквентном поведении – «удовольствие от дискомфорта других, наслаждение в нарушении запретов» [18, с. 27]. Чтобы

---

⁹ Для раскрывающего описания разных аспектов субкультурной теории см.: *Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics*, 2nd ed. – Oxford: Martin Robertson, 1980, i-xxxiv.

проиллюстрировать свою мысль, он приводит в пример признание свидетельство одной банды: «Мы совершали самые разные грязные проделки для собственного удовольствия. Если бы мы увидели знак “Пожалуйста, сохраняйте улицы чистыми”, то мы бы разрушили его и сказали бы, что не понимаем, как держать это в чистоте. Однажды мы засунули банку клея в двигатель автомобиля. Мы уничтожали вещи. Это заставляло нас смеяться и хорошо чувствовать себя, иметь много [поводов для] шуток» [18, с. 27–28]. Делинквент целенаправленно пренебрежителен и устремлен к совершению злобных поступков по отношению к «не-членам» шайки, испытывает «особое наслаждение, терроризируя хороших детей и в демонстрируя собственное отвратительное отношение к добродетели [18, с. 28]. Правила – это «не просто что-то обременительное, от чего нужно уклоняться»: они должны нарушаться [18]. Коэн упоминает случай, когда мальчик испражнялся на столе учителя: Коэн говорит, что этот пример «активной злобы и ненависти, презрения и насмешки, вызова и неповиновения» [18].

Говоря о «негативистских» качествах делинквентности, Коэн отмечает, что принципы делинквентной субкультуры не просто расходятся с мировоззрениями «респектабельного» взрослого общества, а преобразуются из них: «... делинквентная субкультура берет свои нормы от доминирующей культуры, но переворачивает их с ног на голову» [18].

Что же тогда представляют собой «привлекательная злоба» и «массовый негативизм» делинквентной субкультуры? Ответ Коэна на этот вопрос формируется в двух ключевых предположениях. Во-первых, вся человеческая активность представляется «решением проблем». Проблемы возникают из ситуаций, а сами ситуации, в свою очередь, интерпретированы и ограничены какими-то рамками в сознании людей, которые сталкиваются с ними. «Всегда, – как пишет Коэн, – наши проблемы появляются потому, что ситуация ограничивается тем, что мы можем и должны делать, но подразумевается, что скупость, раздражительность, негибкость в решении проблем относятся напрямую к актору» [18, с. 52]. Так как наша реальность состоит из сложных проблем, многие из которых не удастся разрешить (известен пример невозможности одновременного «наслаждения блаженством брака и холостяцкой жизни») [18], то «эффективное, действительно удовлетворяющее решение должно повлечь за собой некоторые изменения в рамках собственного восприятия [самой проблемы] [18, с. 53]. Человек может отказаться от преследования какой-то недостижимой цели, «но это не будет «решением», пока он не сможет убедить себя, что цель, в конце концов, не стоит того, чтобы за ней гнаться. Короче говоря, его ценности должны измениться» [18, с. 53–54].

Во-вторых, человеческие проблемы не распределены случайным образом, а обусловлены социальной системой. Представители любого возраста, пола, расовой и этнической групп, любого рода занятий и социального класса сталкиваются со своими особыми проблемами [18, с. 54].

Теперь можно сделать обобщения по поводу аргументов Коэна. Из-за неблагоприятного положения в классовой структуре юноши из низшего класса в школе систематически отстают в учебе. (Коэн подчеркивает «отсутствие у них воспитания по вопросам порядка и дисциплины, отсутствие интереса к интеллектуальным достижениям и отсутствие дополнительной домашней подготовки в соответствии с требованиями школы») [18, с. 115]. Следовательно, они характеризуются в школе как «отстающие». Это унижает их, и они испытывают на себе воздействие «статуса разочарованного» (status frustration). Коэн выдвигает теорию, согласно которой в своей фрустрации мальчики коллективно реагируют против стандартов среднего класса,

которому они не в состоянии соответствовать, и в процессе «реакции-формирования» они создают делинквентную банду, которая не только отрекается от ценностей среднего класса, но и придает большое значение другим моментам – дерзости, физической выносливости, стремлению к кратковременному удовольствию и нахальному неповиновению перед лицом авторитета, который полностью им противоположен [18, с. 129]. Это поведение преследует две цели: «во-первых, создание набора критериев статуса в терминах, которые мальчик может с большей легкостью успешно освоить; и, во-вторых, это позволяет ему принять ответные меры против норм, из-за воздействия которых пострадало его эго), определив достоинства с точки зрения противоположности этих норм, и санкционировать агрессию против них и тех, кто служит примером в их понимании» [18, с. 168]. Таким образом, делинквентная банда создана, чтобы решить проблему «фрустрации» (*status frustration*) среди мальчиков – выходцев из рабочего класса. Это коллективное решение взаимосвязанных друг с другом проблем [18, с. 148].

Субкультурная теория, которую исследует Коэн, несомненно, представляет собой эталон, который доминировал в социологии преступности и правонарушений в 1960-е годы. Однако ее гегемония в этом пространстве была недолгой, и в 1970-х она подвергалась устойчивым нападкам со стороны различных критиков криминологии, которые впоследствии вытеснили ее [18, с. 124]. В последние годы работа Коэна вновь привлекла внимание, особенно молодого поколения криминологов, предмет изучения которых в основном фокусируется на пересечениях между исследованиями преступности, культуры и эмоций [20]. Главным предметом «ненависти» (*bete noire*) у криминалистов является рационалистический уклон в криминологии: тенденция рассматривать преступления как инструмент для максимизации собственных интересов, а преступника – как рационально принимающего решения актора [20]. В противовес этой тенденции они заново открыли для себя работу Коэна и использовали его в качестве одного из ключевых критериев в расширении криминологического пространства и его концептуальных горизонтов.

Чтобы быть более точным, привлекательность работы Коэна для этого контингента криминологов заключается в усилении акцента на экспрессивных качествах делинквентного поведения. Тех, кто изучает открытые неинструментальные формы преступного или отклоняющегося поведения (джой-райдинг, граффити, воровство в магазинах или поджоги), в действительности этот акцент впечатляет резонирующим сочетанием. Однако даже в случае инструментальных форм преступного поведения этот акцент может быть вполне удачным и служить для формулирования и продвижения новых идей¹⁰ [22].

Терроризм, безусловно, является инструментальной формой преступного поведения: тактикой для достижения политических целей [23]. В действительности это своего рода грубое орудие. Однако террористические действия носят символический характер и предназначены для установления эмоциональной связи с этими действиями. Агенты террористических организаций далеки от существующей эксклюзивной активности из стратегических и политических соображений¹¹. Характеризуя поведение,

---

¹⁰ Эта статья опровергает общее предположение, что уличное ограбление – это инструмент для достижения материального благополучия. Далее Де Хаан и Вос отмечают, что ограбление – это даже не о получении материального вознаграждения, а больше о создании собственной идентичности как безжалостного и задиристого чувака.

¹¹ Эта мысль прекрасно описана у Марка Юргенсмейера (*Juergensmeyer Mark. Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence. – Berkeley, CA: University of California Press,*

не соответствующее общепринятым нормам, в первую очередь как способ общения и эмоционального самовыражения и изображая делинквентов (delinquents) как несомненно моральных субъектов, вынужденных придать смысл своей жизни, Коэн в своей работе расширяет пространство исследований терроризма и выходит за пределы инструментальных рамок.

(Начало. Продолжение в следующем номере)

Литература

1. [Baker Peter, Cooper Helene and Mazzetti Mark. Bin Laden Is Dead, Obama Says // The New York Times. – 1 May 2011. – http://www.nytimes.com/2011/05/02/world/asia/osama-bin-laden-iskilled.html?_r=1&pagewanted=all \(дата обращения 16 июля 2011 года\).](#)
2. [Wright Lawrence. Bin Laden: Hey, Hey Goodbye // The New Yorker. – 2 May 2011. – http://www.newyorker.com/online/blogs/newsdesk/2011/05/bin-laden-hey-heygoodbye.html .](#)
3. [Coll Steve. Notes on the Death of Osama bin Laden // The New Yorker. – 2 May 2011. – http://www.newyorker.com/online/blogs/newsdesk/2011/05/notes-on-the-death-of-osama-bin-laden.html .](#)
4. [Burke Jason. Osama bin Laden's death: What now for al-Qaida? // The Guardian. – 2 May 2011. – http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/may/02/osama-binladen-future-of-al-qaida .](#)
5. [Hoffman Bruce. Bin Laden's Death Shatters Conventional Wisdom // The National Interest. – 2 May 2011. – http://nationalinterest.org/commentary/bin-ladens-deathshatters-conventional-wisdom-5249 .](#)
6. [Byman Daniel. Al-Qaida After Osama // Slate. – 2 May 2011. – http://www.slate.com/id/2292700/ .](#)
7. [Hitchens Christopher. Death of a Madman // Slate. – 2 May 2011. – http://www.slate.com/id/2292687/ .](#)
8. [Rushdie Salman. Pakistan's Deadly Game // The Daily Beast. – 2 May 2011. – http://www.thedailybeast.com/articles/2011/05/02/salman-rushdie-pakistans-deadlygame.html \(Все вышеуказанные сайты были доступны на 16 июля 2011\).](#)
9. [Wright Lawrence. The Looming Tower: Al-Qaeda's Road to 9=11. – London: Allen Lane, 2006.](#)
10. [Bergen Peter L. Holy War, Inc: Inside the Secret World of Osama bin Laden. – London: Weidenfeld and Nicolson, 2001. The Osama Bin Laden I Know: An Oral History of Al-Qaeda's Leader. – New York: Free Press, 2006. The Longest War: The Enduring Conflict between America and Al-Qaeda. – New York: Free Press, 2011.](#)
11. [Sageman Marc. Understanding Terror Networks. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.](#)
12. [Sageman Marc. The battle for young Muslims' hearts and minds and the future of the leaderless jihad // National Post. – 2008. – № 7. – http://network.nationalpost.com/np/blogs/fullcomment/archive/2008/07/07/marc-sageman-on-the-battle-for-young-muslims-hearts-andminds-and-the-future-of-the-leaderless-jihad.aspx \(дата обращения 6 марта 2011 года\).](#)
13. [Sageman Marc. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. – P. 48–50.](#)

14. Schmid Alex P. The Terrorism Threat in Europe, Paper presented at the Standards for Victims of Terrorism Conference, Tilburg University, 10–11 March 2008. – <http://www.euforumrj.org/readingroom/Terrorism/SchmidTilburg2008presentation%20March%20doc.pdf> (дата обращения 1 апреля 2011 года). – P. 14–15.
15. Bakker Edwin. Jihadi Terrorists in Europe and Global Salafi Jihadis, in Rik Coolsaet, ed., *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge in Europe*. – Ashgate: Aldershot, 2008. – P. 69–84.
16. Sageman Marc. Understanding Jihadi Networks // *Strategic Insights* 4. – 2005. – № 4.
17. Merton Robert K. Social Structure and Anomie // *American Sociological Review* 3. – 1938. – № 5. – P. 672.
18. Cohen Albert K. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. – New York: The Free Press, 1955. – P. 12.
19. Downes David and Rock Paul. *Understanding Deviance: A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking, Fifth Edition*. – New York: Oxford University Press, 2007. – P. 124.
20. Ferrell Jeff, Hayward Keith and Young Jock. *Cultural Criminology*. – London: Sage, 2008.
21. Hayward Keith. Situational crime prevention and its discontents: rational choice theory versus the ‘culture of now’ // *Social Policy and Administration* 41. – 2007. – № 3. – P. 232–250.
22. Willem De Haan, Vos Jaco. A Crying Shame: The Over rationalized Conception of Man in the Rational Choice Perspective // in *Theoretical Criminology* 7. – 2003. – № 1. – P. 39–43.
23. Coady C.A.J. Defining Terrorism, in Igor Primoratz, ed., *Terrorism: The Philosophical Issues*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. – P. 5.

Перевод с английского языка: *Р.Ф. Патеев*¹²

---

¹² Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан.